

Там, где в сопках построен завод

Деревянный домишко с вылинявшей вывеской на дверях, исполненной еврейскими литерами, свидетельствует, что находимся мы на железнодорожной станции Известковый завод.

Да, это именно железнодорожная станция, и даже один из поездов – тот, что идет в Благовещенск, – делает здесь остановку. Правда, стоит этот поезд тут не больше минуты. Впрочем, этого вполне достаточно, чтобы сойти с поезда двум-трем пассажирам, если таковые, случается, бывают вообще. Главная же станция, которая названный завод, так сказать, непосредственно обслуживает, до сих пор называется по-старому Лондоко и находится отсюда километрах в шести. Там, в Лондоко, останавливаются как будто почти все поезда, и вокзал там хоть и небольшой, но вполне приличный. Кроме того, оттуда непосредственно к известковому заводу ведет хорошо наезженная дорога. Говорят, со временем будет расширена и по-современному обустроена и сама станция Лондоко.

Если вы поставили перед собой цель познакомиться с известковым заводом, здесь, на станции, вам не надо тратить время на расспросы о его местонахождении и о том, как до него добраться: надежным ориентиром послужит для вас в этом случае облачко светлого дыма над поросшей низким кустарником сопкой. Там, откуда это облачко «всходит», располагаются и завод, и заводской поселок.

Сразу будет трудно сказать, на что больше похоже селение при Лондоковском известковом заводе – на небольшой городок или на деревню. Улиц в общепринятом понимании этого слова в селении этом попросту нет. Переулков, впрочем, тоже. Подворья здесь располагаются относительно друг друга произвольно, как, скажем, деревья в лесу, что придает поселку, если хотите, особую красоту. Добавлю к этому еще одну деталь: примерно половина при заводского населенного пункта располагается в низине и отгорожена от другой его половины известняковой сопкой, одним своим краем уходящей куда-то далеко-далеко к голубеющим горам Хингана. Дома и огородики другой части поселка рассыпаны по относительно отлогому склону ближней сопки, а середина селения прочерчена каменистой речушкой с экзотическим названием Амсаяр.

Точно так же, как и во всех населенных пунктах области, – за исключением городов Биробиджана и Облучья, районных центров Ленинского, Сталинска и Смидовича – дома в «известняковом» поселке сплошь деревянные. Однако уже при входе в любой из них вы как-то забываете, что дом построен из дерева. Толстые бревенчатые стены изнутри обшиты досками, высокие чисто выбеленные потолки... В знойные летние дни в таких помещениях вы не почувствуете жары, зимами в них тепло. Неизменная принадлежность каждого дома – крыльцо в три-четыре ступеньки, сарайчик в каждом дворе, редко возле какого дома нет небольшого огорода. Ну и, судя по числу дворов при Лондоковском известковом заводе, предприятие это уже довольно большое, а в ближайшем будущем обещает стать в

Облученском районе одним из самых крупных. Правда, ни завод, ни поселок при нем в ширину разрастаться не смогут: уж больно плотно они зажаты меж двух сопок. Но увеличиться в длину (по крайней мере, у населенного пункта) шансы есть: тайга ведь границ не имеет, а если какие-то и есть, то их всегда можно отодвинуть.

Тем, кому приходилось в последние годы бывать в биробиджанской тайге, наверняка поняли, что она уже не такая, какой ее описывали в первые годы переселения евреев в Приамурье. Теперь даже где-нибудь в самой глуши леса нет-нет, да и обнаруживаешь следы пребывания человека. Это и довольно четко обозначенные тропки, и зарубки (а то и следы от зубьев пилы) на древесных стволах... Короче говоря, люди уже по-хозяйски обживают здешние края.

...Погожим июньским утром, стоя на опушке леса за околицей заводского поселка, я был поражен раскатами грома. Нет, тяжкие удары, нежданно нарушившие тишину в округе, скорей всего, могли быть чередой отрывистых пушечных залпов. Проходит несколько секунд, и воздух снова вздрагивает от обвального грохота. Раз-другой-третий... Это где-то уже совсем близко... Как оказалось, все буднично и просто: у сопки, от подножия и до вершины сложенной из камня, нужно в буквальном смысле слова вырывать сырье для переработки в полноценный строительный материал – известь. Взрыв – и разлетаются вверх и во все стороны от мутной огненной вспышки деревья с оборванными корнями, клочья травы, увесистые каменные глыбы, столбы земли и пыли, смешанной с густым сизым дымом.

У подножия сопки, там, где поднимаются краснокирпичные заводские корпуса, на высоком шесте лениво пошевеливается под ветерком флаг неопределенного цвета – своего рода сигнал для населения: близко подходить к подножию сопки сейчас в этом месте небезопасно. Если флага на мачте нет, на примыкающем к сопке участке можно свободно ходить где кто хочет. А вот о свободе передвижения горняков, действующих на месте добычи известняка, говорить и в это время никак не приходится: преодолевая подъем, рабочие то буквально продираются через завалы вырванных с корнями деревьев, то карабкаются по нагромождениям каменных глыб... После только что прогремевших взрывов склон горы выглядит здесь не иначе, как после катастрофического землетрясения. Но люди, вижу, уже продолжают начатое взрывниками, дробя тяжелыми молотами куски вывернутой скальной породы. Сколько же сил, труда, времени еще уйдет на то, чтобы дикий этот камень превратился в незаменимый строительный материал и стал верно служить по своему назначению созидателям новых улиц, проспектов и целых городов!

А вот по крутому склону сопки, держась за веревку, одним концом закрепленную где-то наверху, спускается рослый средних лет мужчина. Он ловко, прямо-таки картинно перешагивает-перелетает через каменные гребни и провалы и на ходу, еще издали, отдает команды-распоряжения тем, кто внизу. По всему, этот человек – старший над всеми здесь присутствующими: и, таки да, как мне стало известно спустя минуту, их бригадир. Его, бригадира, отличает неторопливая манера речи, уверенность движений и интонаций в голосе. Оценив результаты подрывов, он коротко и четко определяет роль каждого из подчиненных, указывает места и глубину следующей очереди бурения, называет потребное число килограммов взрывчатки.

– Это вы только что взрывали гору? – подойдя ближе, начинаю разговор с бригадиром.

– Так точно, я, – слышу в ответ.

– А не боитесь? Ведь тут вокруг вся земля под ногами дрожала, а сопка...

– Так вот сопка эта пусть меня и боится, – окинув меня полуудивленным взглядом, с улыбкой отвечал бригадир. – А то, что вы наблюдали во время подрывов, то это, я так скажу,

видимость одна. Главное, чтобы взрывчатка внутри камня как надо «поработала». Вот что нам прежде-то всего рассчитать надо. А «фейерверки» эти поверху – дело десятое: мы и ими, и всем остальным сами «командуем». Чего тут можно бояться?

– Он же артиллерист, бригадир-то наш, – отозвался «вагонетчик», краснощекий русский парень, неподалеку от нас грузивший свою «тележку» пестрыми камнями. – Ему вон по самой Германии палить было не страшно, а тут какая-то сопка. Правда, Гершман?

Лицо бригадира снова тронула легкая улыбка: судя по всему, человеку доставляет удовольствие, когда ему вот так, походя, кто-нибудь напомнит о его недавнем «артиллерийском» прошлом. Но о событиях фронтовых своих лет Гершман говорит скупой и неторопливо. В том же спокойном тоне, что и о своей нынешней «войне» с твердокаменной сопкой – так, как если бы он кому-то объяснял, например, порядок остекления оконных рам или рассказывал о посадке картошки на огороде.

– Вы что же, каждый день вот так здесь взрываете? – продолжаю беседу с бригадиром.

– Да, каждый день, да и не один раз, а два или даже три. Ведь печи, в которых известку выжигают, неделями горят. Так что камнем их надо обеспечивать непрерывно. Вон видите, вагонетки уже загружают. Эй, поживей, ребята! – окликнул рабочих Гершман, беря в руки тяжеловесную кувалдочку на длинной рукояти. Удар, еще удар молотом по каменной глыбе, и она прямо на глазах превращается в грудку относительно мелких бесформенных, вполне «подъемных» кусков – таких, какими и загружаются печи для их «переделки» в негашеную известь.

– Наверное, человеку надо иметь немало силы, чтобы вот так, с одного-двух ударов развалить такую глыбину. Так?

Гершман, не ответив на мой вопрос, показал мне глазами на толстенную метровой длины каменную плиту: а ну, полюбуйте, мол, вот на такое, и тут же, широко размахнувшись, с силой ударил по ней молотом. Из-под молота сыпанул целый рой искр, от удара железом на камне появилось едва заметное светлое пятнышко. Плита же осталась лежать так, как она и лежала.

– А теперь смотрите дальше, – перехватив молот, произнес Гершман. – Так, как я только что бил по этой каменюке, можно колотить по ней хоть до завтрашнего утра – все будет без толку. Чтобы вот так, вручную, мельчить известняк этот, быть каким-то там силачом и не надо – тут практика нужна, сноровка. Вот смотрите сюда.

С этими словами Гершман без видимого усилия ударил кувалдой по той же самой упрямой плите уже в другом месте, и она как по волшебству покрылась широкими трещинами, превратившись в добрый десяток мелких кусков.

– Эти камни, как те листья на дереве: все в прожилках, – опять заговорил Гершман. – И вот вы же видели? Ударил я туда, где совсем не видная жилка-трещинка притаилась, и все. И никакой такой силы и особой мудрости тут тебе не требуется. Так что работа наша разве что свежему человеку с виду тяжелой кажется. Да и здоровью она ничуть не вредит, а даже напротив того. На наших мужиков вон хоть посмотрите.

– Вы уже давно на этом заводе?

– Двенадцать лет назад я тут поселился. Только когда мы сюда заехали, тут и завода еще никакого не было. Наши евреи тогда выжигали известь в маленьких печках прямо в горе, под открытым небом. И печки те были чуть больше тех, что в пекарнях кладутся. Ну а сейчас-то, сами видите, целый механизированный завод у нас. Дальше и еще будем расширяться... А известняка в сопке, на которой мы сейчас с вами стоим, как говорят инженеры, еще лет на

сто хватит. И вон та сопочка, что дальше за ней, тоже из известняка. Нам сюда только людей подавай – на всех работы, да еще и с избытком, хватит...

Тем часом под неумолчный перестук молотков горки измельченного камня продолжают расти, а рабочим-«откатчикам», загружающим свои вагонетки, стоять без дела не приходится. Одна за другой их тележки, похожие на большие металлические корыта, уходят по рельсам в заводские цеха, где идет обжиг известняка.

Через широкий проход одного из цехов попадаю в помещение завода и я. Перед первой же обжиговой печью вижу средних лет солидного телосложения женщину-еврейку, ловко орудующую в пылающей топке непомерно длинной кочергой. На голове «кочегарки» низко повязанный белый платок, рукава кофты закатаны выше локтя, лицо работницы серьезно и сосредоточенно: ни дать ни взять хозяйка большого семейства занята выпечкой халы.

– Как вы здесь живете-можете? – задаю вопрос работнице после приветствия и короткого с ней знакомства.

– Да как и всем здесь, наверное же, – отвечает женщина, несколько удивленная звучанием родной речи. – Но жаловаться вроде как и не на что. Работа есть, а остальное, как говорят, прилагается. Правда, работа у меня такая, что... Да вы сами ж видите. А что поделаешь, если людей не хватает? До войны по-другому было. А кто потом с фронта пусть хоть и живой вернулся, так, смотришь, то без руки, а кто и без ног. Конечно, нам, женщинам вон там, на горе, и делать нечего – вы ж видели, что там за работа. Да и здесь, в цеху, тоже не дело женщине у такой вот печки стоять. Только план-то все равно кто-то должен выполнять.

– А как у вас дома, в семье?

– Да как?.. Вдовой я в войну осталась. А у меня дети. Трое. Бывает, соседку прошу за домом присмотреть. Та тоже на мужа похоронку получила... Да вот она, тут же недалеко работает, на транспортере. Опять же не женское это занятие... Да ведь жить как-то надо. Ну и хозяйство держим. У меня корова доится, свинью кормим, куры есть. Огород тоже... А земля тут, ничего не скажешь, хорошая. Как здесь в шутку говорят, камень в нее брось – и тот вырастет. Ну и сами видите, сколько здесь тех камней кругом повырастало...

– Па-па!.. Па-ап! Ну где тут папа? – сквозь шум цеха доносится до нас со стороны входа тонкий мальчишеский голос. В широких воротах цеха стоит запыхавшийся хлопчик с пустым ведерком в руке. Судя по всему, паренек ищет отца.

– А кто твой папа, мальчик? – обращается к нему моя собеседница.

– Симха.

– А, так это же сынишка нового переселенца. Тот сюда дрова возит. А зачем тебе папа? Что ты его ищешь? – интересуется женщина.

– Мама кухню хочет побелить. Ну и послала меня сюда к отцу за известкой. Он же здесь у вас работает?

Ни слова ни говоря, «кочегарка» достает откуда-то сверху белый с кремовым оттенком камень и протягивает его мальчику:

– Давай сюда свое ведро.

Мальчишка с удивлением – нет, скорее даже с явным подозрением – смотрит на незнакомую тетеньку:

– Это что? Известка-а? – недоверчиво тянет он свой вопрос.

– Ну что ты ему скажешь? Вот нашли, кого послать... Мама-то твоя хоть знает, как известь распускают? Вот этот кусок залейте в ведерке холодной водой. Не забудешь ей передать? Хотя ладно, давай я сама тебе быстренько покажу, как это делают.

Женщина вытаскивает из-под дощатого настила низенькую, заляпанную известью шайку и, бросив в нее кусочек негашеной извести, осторожно, тонкой струей льет на него из широкого ковша воду. Камешек, зашипев, начинает разваливаться на мелкие частицы, вода вокруг него становится похожей на густое кипящее молоко.

– Ну вот тебе и известка! А того куска, что я тебе дала, и кухню, и всю хату побелить хватит. Только когда гасить его станете, уж будьте поосторожней.

...Время близится к полудню. Солнце стоит высоко. Сильно парит, как бывает это перед дождем. И сейчас никак не позавидуешь Шае Лихтеру, невысокому широкоплечему мужчине, в обязанность которого входит контроль за процессом обжига извести. Надо сказать, что рабочее место Шай находится в непосредственной близости от ряда заводских печей, в которых жарко пылает пламя. Через специальные окошечки, проделанные в корпусах печей, Лихтер и наблюдает за ходом технологического процесса. Я бы, кажется, и часа не выдержал в такой жарнице.

– И как вы только умудряетесь проработать здесь целую смену?! – буквально обливаясь потом, интересуюсь у «жаростойкого» контролера.

– Да уж такая работа у меня. Надо значит надо, – отвечает он мне. – А потом и привычка много значит.

Мы поднимаемся наверх, на своего рода арочный мост, переброшенный через ряд работающих печей. Отсюда, сверху, нашим глазам открывается великолепная панорама окружающего мира, причудливо украшенного всеми оттенками зеленого и голубого.

– Вы только посмотрите, какая у нас здесь красота вокруг! – вздохнув полной грудью, восклицает Лихтер. – Вот такая она, биробиджанская земля наша! А время-то сейчас какое! Мир ведь, шолэм!..

Перевод с идиша Валерия Фоменко